

ЛИ ЦИНЬ. Категория не-/определенности в русском языке: языковые средства и их функции в речи. Шанхай. Шанхай вайюй цзяюй чубаньшэ. 1998, 178 с. (на китайском языке).

Для Китая можно считать традиционным глубокий интерес к русской культуре, литературе, языку. Китайские русисты плодотворно работают в области изучения различных языковых явлений, связанных с фонетикой, грамматикой, лексикологией, стилистикой, семантикой русского языка. Достаточно назвать две фундаментальные работы, появившиеся в последние годы: У Ии "Основы функциональной грамматики русского языка" (Пекин, 1991 г.) и Ни Бо, Гу Байлинь "Семантика русского языка" (Шанхай, 1995 г.).

В 1998 г. была опубликована рецензируемая монография декана Факультета русского языка Шанхайского Университета иностранных языков проф. Ли Циня. Ли Цинь учился в Москве; на начальных этапах его исследование выполнялось в МГУ под руководством В.А. Белошапковой. Темой своего исследования он избрал сложную проблему – языковые средства выражения категории неопределенности/определенности и ее функциональные разновидности. Нестандартное оформление названия книги отражает ее пафос: именно **Не**определенность, по мысли автора, является точкой отсчета, исходной семантической областью для моделирования категориального пространства в целом. Поскольку в русском языке эта категория (в ее широком понимании), не оформлена в совершенную и четкую грамматическую систему, то в традиционной грамматике, где главное внимание уделялось форме (в ее узком понимании), соответствующие явления не получали достаточно полного освещения. Разработка данной проблемы стала особенно актуальной по мере развития в языкознании функционального и семантического подходов, коммуникативной лингвистики, прагматики, лингвистики текста [Арутюнова 1976; Белошапкова (Ред.) 1997; Ревзин 1978].

Свою задачу автор видит в том, чтобы систематизировать научные достижения предшественников, и постараться по-новому взглянуть на данную категорию, которая в русском языке, при отсутствии в нем артикля, охватывает особенно широкий круг разнообразных языковых и речевых явлений. В этой связи Ли Цинь считает необходимым использовать для ее разработки основные теоретические принципы функциональной грамматики, идеи семантики и прагматики, что позволяет расширить

поле исследования от уровня отдельного предложения до уровня связного текста. Благодаря этому становится возможным новое "прочтение" семантической структуры и формальных особенностей данной категории, всестороннее описание и систематическая классификация языковых средств ее выражения, а также механизма осуществления коммуникации в реальном дискурсе. Особо подчеркивается практическое значение данной категории для процесса преподавания русского языка как иностранного, прежде всего в китайской аудитории, поскольку китайский язык по своей грамматической структуре и способам выражения понятий резко отличается от русского. Категория неопределенности/определенности в китайском языке имеет свою специфику, связанную, в частности, с наличием такого грамматического средства, как классификаторы, присоединяющиеся к существительным. Они находятся в препозиции к ним, выбор классификатора зависит от семантического класса, к которому относится то или иное существительное (кроме того, имеется и универсальный классификатор, который может заменять все остальные -зв "штука"). Данное обстоятельство затрудняет изучение русского языка китайскими студентами.

Книга состоит из трех глав. В п е р в о й рассматриваются некоторые методологические вопросы, языковые средства выражения, характер и структура категории определенности/неопределенности, дается ее семантический анализ. В этой главе автор останавливается также на связи данной категории с другими грамматическими категориями, а также, что очень важно, показывает ее место в функциональной грамматике. В т о р а я глава посвящена лексическим средствам выражения категории неопределенности/определенности. Вначале автор дает их общее описание, а затем анализирует черты каждого из них: функцию и смысл местоимения вообще, особенности неопределенных и указательных местоимений, а также связанные с семантической расплывчатостью (размытостью) различия в степени неопределенности и дизъюнктивные различия, и наконец, механизмы употребления числительного *один*. В т р е т ь е й главе рассматриваются грамматические средства выражения данной категории в русском языке. Здесь речь идет о падежных формах, о конструкциях с

числительными, о структурных схемах предложений, в частности об определительном сложноподчиненном предложении, связанных с этой категорией механизмах текстообразования, наконец, о выраженной в анафоре семантической неоднозначности и ее разрешении.

Русский язык относится к безартиклевому языку, в нем отсутствует жесткая система специальных формальных средств выражения неопределенности/определенности, которая могла бы образовать грамматическую категорию в строгом смысле на одном и том же морфологическом уровне. Однако это отнюдь не означает, что в русском языке отсутствуют языковые средства для выражения данной категории. Вообще говоря, в традиционной формально-описательной грамматике изучение "семантики неопределенности" привлекало должное внимание ученых. В качестве солидных прецедентов можно упомянуть описание неопределенных местоимений и неопределенно-личных предложений. К тому же, русский язык обладает целым рядом весьма развитых и многообразных по форме семантических средств выражения категории неопределенности/определенности. Для них характерна дистрибуция по различным уровням, которую можно подразделить на три больших группы явлений: фонетические, лексические и грамматические. Их межуровневость и многообразие определили то обстоятельство, что данная категория русского языка выходит за рамки обычных грамматических категорий, но является по своей природе функционально-семантическим полем (в понимании, например, А.В. Бондарко [Бондарко 1978; 1984]), т.е. она принадлежит к категориям функциональной грамматики.

Специфика категории неопределенности/определенности в русском языке проявляется прежде всего в полицентрической структуре, структуре ее поля, т.е. она не берет в качестве основы лишь одну категориальное значение, а наоборот, присущие ей качественно различные формальные средства выражения по своей смысловыражающей функции равноправны. В то же время два семантических компонента — "неопределенность" и "определенность" весьма неравноправны в распределении средств выражения. Именно поэтому, пишет автор, исследователи уже обращали внимание на то, что результатом подобного неравноправия являлось преимущественное внимание лишь к семантическому компоненту "неопределенности" и отсутствие достаточного внимания к рассмотрению его

вместе с компонентом "определенности" как единого категориального целого.

Автор отмечает, что исследования данной категории велись по нескольким направлениям, что было предопределено многообразием и многоуровневостью ее средств выражения и полицентризмом ее структуры. Однако он подчеркивает, что их можно свести к двум основным направлениям — изучение, во-первых, средств выражения семантики неопределенности и, во-вторых, использование для этой цели метода аналогии. В сущности, оба эти направления основываются на семантическом подходе. По мнению Ли Циня, этого недостаточно. Для выяснения смысла данной категории классический семантический подход необходимо соединить с прагматическим анализом. Здесь надо учитывать, пишет он, три фактора: незнание/знание, индивидуальность предмета, адресант/адресат. Только на такой основе может быть достигнуто адекватное понимание категории неопределенности/определенности: она показывает, как отражается в коммуникации незнание/знание по отношению к обозначенному в речи индивидуальному предмету со стороны адресанта/адресата. В прошлом большинство исследований не учитывало точку зрения прагматики, в результате чего смысл неопределенности/определенности и знание адресанта/адресата отрывались друг от друга. Более глубокий фактор незнания/знания рассматривается как прагматико-семантический механизм и сводится к взаимодействию расплывчатости и нерасплывчатости языкового знака по отношению к референции индивидуального предмета. Автор называет их "неопределенной референцией" и "определенной референцией". Основа неопределенной референции состоит в том, что языковой (речевой) знак одновременно связан и с денотативным (референциальным) значением и с сигнификативным значением, которые им выражаются, т.е. он возникает в процессе понятийного насыщения референции по отношению к некоему индивиду. Основной определенной референции является ко-референция некоего языкового знака с другими языковыми знаками или невербальными средствами.

Автор подчеркивает, что категория неопределенности/определенности — не изолированная категория, она связана с целым рядом других категорий, как собственно содержательных (тема, рема, анафора, посессивность, модальность и т.д.), так и формально-грамматических (падеж, лицо, число и т.д.). Это означает, что данная кате-

гория требует, безусловно, всестороннего изучения с учетом ее аспектов. И здесь автор делает важный вывод: «Мы считаем, что категория неопределенности/определенности должна полностью, а не только какой-то ее частью, входить в систему функциональной грамматики, говоря сравнительно, можно утверждать, что категория неопределенности/определенности принадлежит к функциональной грамматике. Однако исследование ее нельзя ограничивать лишь методом “от значения к форме”, а необходимо объединять его с методом “от формы к значению”, причем одновременно необходимо использовать индуктивно-экспериментальный метод для углубленного анализа различий между формальными механизмами языка и тонкостями семантики» (с. 166).

Хотя в русском языке отсутствуют артикли для выражения понятий неопределенности/определенности, в нем есть другие достаточно богатые средства их выражения. К ним относятся, в частности, неопределенные, указательные, определительные местоимения, похожее на артикль слово *один*, некоторые прилагательные, наречия и др. На некоторых из них автор останавливается подробно.

Как известно, основные функции местоимений сводятся к двум: дейксису и анафоре. Только с точки зрения речевых функций местоимений можно глубоко изучить их семантические особенности. Автор указывает на необыкновенно богатую языковую вариативность, которой обладают в русском языке неопределенные местоимения. Она заключается в том, что адресант неясно указывает на индивидуальный предмет, а затем на основе фактора “знание/незнание” адресанта происходит выделение отдельных значений (“не знаю”, “не считаю необходимым указывать” и т.д.). Автор пишет, что изучение семантики неопределенных местоимений нельзя ограничивать лишь анализом степени неопределенности. Важно также осуществлять ее дизъюнктивный анализ, и только путем объединения этих аспектов можно получить достаточно полное знание этих местоимений. Автор подразделяет их на три уровня по степени неопределенности. Схематически это выглядит так (с. 39):

высшая степень неопределенности	средняя степень неопределенности	низшая степень неопределенности
+	0	—
-нибудь (-либо)	-то	кое-

Неопределенное местоимение с аффиксом *-то*, кроме указания на известную всем семантическую неопределенность средней степени, в связанном тексте выполняет неопределенную интродуктивную функцию. Именно в процессе текстообразования с семантикой местоимения происходят определенные изменения: адресант в действительности располагает знанием о референте, но не торопится указать на описываемый индивид (это и есть предугадывание новой информации). Неопределенные местоимения с аффиксом *-нибудь* (*-либо*) выражают семантическую неопределенность самого высшего уровня. Их использование связано с определенными синтаксическими условиями: с вопросительными, повелительными, сослагательными, сопоставительными предложениями, а также с предложениями со значением будущего времени. Эти предложения указывают на ирреальные или потенциально возможные модальности. Однако эти неопределенные местоимения могут также употребляться в предложениях, выражающих однократно реализованную ситуацию. В таком случае они выражают модальность вероятности или альтернативности. Неопределенные местоимения с аффиксом *кое-* выражают семантическую неопределенность низшей степени. Однако их употребление достаточно ограничено, а количество речевых значений сравнительно невелико.

С дизъюнктивной точки зрения неопределенные местоимения с аффиксом *-нибудь* (*-либо*) выражают дистрибуцию разных индивидов однородного класса индивидов (предметов) в разное время. Что касается неопределенных местоимений с аффиксом *-кое* и *-то*, то они выражают дистрибуцию разных индивидов в разной пространственной локализации. С точки зрения своего дизъюнктивного значения, они противоположны неопределенным местоимениям с аффиксом *-то*, выражающим недизъюнктивное значение. Здесь автор на с. 42 своей книги приводит следующую схему (см. с. 153).

Что касается указательных местоимений, то и они представляют сложный комплекс, в котором взаимодействуют семантика и прагматика. Этот комплекс имеет определенную семантическую сторону — по отношению к адресанту, а также неопределенную сторону — по отношению к адресату. Поэтому только в сопровождении невербальных средств или только в ходе осуществления, вместе с другими языковыми единицами — анафорой или катафорой — указательное местоимение может получить

		-нибудь (-либо) дизъюнктивность во времени	
высшая степень неопределенности	средняя степень неопределенности	низшая степень неопределенности	
+		0	-
-нибудь (-либо)		-то	кое-
		недизъюнктивность	
		кое-	
		дизъюнктивность в пространстве	

в процессе коммуникации совершенно точный речевой смысл (подлинную семантическую определенность). В дискурсивном высказывании указательное местоимение может играть роль референциальной отсылки, которую, в соответствии с ее направленностью, следуя классификации К. Бюлера [Бюлер 1933], можно разделить на анафору, направленную вперед, и катафору, направленную назад. В первом случае это будет местоимение *этот*, во втором случае – местоимение *тот*. Роль указательных местоимений в текстообразовании сводится к определенной распространительной функции. Анализ употреблений указательного местоимения *этот* показывает, что они не могут быть произвольными, а определяются рядом лексических и синтаксических условий. Подобное артикль слово *один*, которое автор называет “квазиартиклем”, может выражать семантическую неопределенность двух уровней – низшего и среднего. Как и указательное местоимение с аффиксом *-то* оно также выполняет текстообразующие функции.

Большой интерес представляет рассмотрение определенности/неопределенности в главе III. К таким средствам относится, в частности, управление глагола той или иной падежной формой существительного, ср.: *Он ждал жену свою* (И. Тургенев); *Сидел и думы ждал прекрасной* (А. Пушкин); *Я сижу в кабинете, звонка жду* (В. Шукшин). В передаче значения определенности или неопределенности участвует также форма глагола во фразах, где подлежащим является конструкция “числительное + существительное”: *Пять больных выздоровело/выздоровели*. Важнейший круг средств образуют модели неопределенно-личных предложений. Развивая исследования российских лингвистов, автор подчеркивает, что недостаточно выделять здесь лишь две модели для выражения семантики неопределенности. В рассмотрение следует включать разнообразные вариативные средства, в

частности, фразеологические (идиоматические) конструкции. Если говорить об основных классах неопределенно-личных предложений, то с интересующей автора точки зрения первую классическую модель образуют конструкции типа *В дверь стучат*; другая модель – *В школе готовы помочь*; третья – *Дома были в отчаянии*; наконец, четвертая – *Есть с кем поговорить*. С точки зрения семантики неопределенности эти модели имеют явные различия. Неопределенно-личные конструкции могут также участвовать в текстообразовании и выполнять своеобразную неопределенную интродуктивную функцию.

Особый раздел посвящен анализу сложных предложений с определительными придаточными. Благодаря амбивалентной природе указательного местоимения *тот*, способного выражать семантическую определенность/неопределенность, можно увидеть, что конструктивной основой сложноподчиненного предложения *Я встретил того человека, которого ждал всю жизнь* является семантическая неопределенность опорного слова главного предложения. Оно предсказывает наличие придаточного предложения и союзного слова. В результате все сложное предложение получает значение неопределенности. В различных видах сложноподчиненных конструкций опорные слова могут выполнять в текстообразовании интродуктивную и распространительную функции как в плане определенности, так и в плане неопределенности.

Значительное внимание автор уделяет вопросам коммуникативной организации смысла (тема/рема, данное/новое). Предметом специального рассмотрения здесь становится повествовательный текст. Особо подчеркивается то обстоятельство, что без учета фактора адресанта/адресата объяснительная сила теории весьма невелика. При тщательном изучении начального предложения повествовательного текста обнаруживается, что в таком предложении обыч-

ное существительное может выполнять не только неопределенную интродуктивную функцию, но также и определенную интродуктивную функцию. Поэтому важную смысловыражающую роль играет позиция существительного в составе предложения. Определенная интродуктивность строится на основе анафоры некоего слова, выраженного существительным по отношению к теме, или общего знания и интерактивного эксперимента собеседников в процессе общения. Путь к получению точной семантической определенности обычного существительного в тексте лежит не только через анафору языковых единиц. Он может быть также связан с контекстом. Иногда и в условиях анафоры языковые единицы могут порождать семантическую неопределенность. Анализ подобных явлений и связанной с ними неоднозначности показывает, что для преодоления семантической неопределенности в случае анафоры и возникающей двойственности значения фраз, необходимо следовать некоторым прагматическим правилам. Самым важным фактором при этом является сфера текстового или нетекстового знания, возникающего из опыта повседневной жизни обоих собеседников в процессе коммуникации, или из контекста. Ряд конкретных прагматических наблюдений автора посвящен личным и притяжательным местоимениям (*себя/его, свой/его*).

Переходя к общим выводам, Ли Цинь подчеркивает, что неопределенность/определенность является прежде всего категорией функциональной семантики, при этом ее функции выходят далеко за рамки предложения. Только в условиях широкого коммуникативного контекста можно получить достаточно глубокое понимание данной категории, овладеть механизмом ее реализации, и в результате этого обнаружить ее внутренние связи с процессом текстообразования, а также тонкие семантические изменения некоторых языковых единиц. Одновременно нельзя также замыкаться в рамках классического семантического анализа данной категории. Необходимо подходить к ней с позиции прагматики, с точки зрения знания обоих участников коммуникативного взаимодействия. Именно на этой основе следует анализировать семантическую структуру языковых единиц, механизмы актуализации семантики в процессе общения. Закljučая свое исследование, автор пишет: "Категория неопределенности/определенности не может быть полностью охвачена системой функциональной грамматики, она уже вошла в состав лингвистики текста и

прагматики. Более того, в системе функциональной грамматики категория неопределенности/определенности также не может рассматриваться как простой ее компонент, равноправный с другими категориями. По своей функции текстообразования и своей коммуникативной ценности она стала уже суперкатегорией" (с. 170), интегрирующей прагматику, семантику, грамматику и фонологику.

Хочется специально отметить такие аспекты авторской концепции, которые имеют перспективное значение и дают импульс к дальнейшим изысканиям. Прежде всего это доказательство принципиальной **биполярности** рассматриваемой категории. Здесь мы сразу же сталкиваемся с ограниченностью (и, следовательно, с неадекватностью) жесткой традиционной концепции "маркированности/немаркированности" членов категориальной оппозиции. Более правдоподобен взгляд, согласно которому разные типы категорий базируются на разных типах логик. При этом немало важно, в частности, использовать соответствующие разновидности логики нечетких множеств. Иначе говоря, нельзя все категории подгонять под единый шаблон, а надо учитывать их когнитивную специфику. Именно на этих принципах автор моделирует движение от **НЕ**определенности к определенности.

Из наблюдений и суждений Ли Циня следует и еще более сильная гипотеза: а не задаст ли сама "**НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ**" (как особая семантическая область) свою отдельную категорию со своими категориальными значениями? (Заметим, что неопределенность вскрывается даже в "определенных местоимениях".) Можно считать, что именно в этом русле автором осуществлено структурирование значения неопределенности в парадигматическом (глава II) и в синтагматическом (глава III) аспектах. Перспективен и примененный в книге метод анализа подобного круга явлений: он основан на комплексном понимании семантики, на логико-когнитивно-прагматическом инструментарии, на подлинно коммуникативной интерпретации речевых функций – с точки зрения механизмов развертывания дискурса в ходе интерактивного процесса.

Наконец, монография Ли Циня органично соединяет теоретический и прикладной аспекты: когнитивный подход уверенно внедряется в практику преподавания языка (а ведь именно эта область приложений лингвистики всегда являлась и будет являться главным полигоном испытания научных гипотез).

По-видимому в силу объективных причин – сужение возможностей получения научной литературы из России – в рецензируемой монографии неполно представлены работы российских ученых последнего десятилетия. Тем не менее она убедительно свидетельствует о плодотворных поисках китайских лингвистов, занимающихся актуальными проблемами современного русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова Н.Д. 1976 – Предложение и его смысл. М., 1976.

Белошапкова В.А. (Ред.) 1997 – Современный русский язык. М., 1997.
Бондарко А.В. 1978 – Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
Бондарко А.В. 1984 – Функциональная грамматика. Л., 1984.
Бюлер К. 1993 – Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
Ревзин И.И. 1978 – Структура языка как моделирующей системы. М., 1978.

В.Г. Буров, Б.Ю. Городецкий,
А.Л. Семенов

Patrick Sériot. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. Paris, Presses Universitaires de France, 1999. 353 p.

Новая книга известного французского историка лингвистики Патрика Серио (сейчас работает в Лозаннском университете в Швейцарии) посвящена теоретическим и методологическим основам лингвистических концепций двух крупнейших ученых XX века – Николая Трубецкого и Романа Якобсона (в отношении последнего речь в основном идет о 20–30-х гг., когда Р. Якобсон жил в Чехословакии и находился в тесном научном контакте с Н. Трубецким).

Данная проблематика безусловно очень важна для истории науки и в то же время до сих пор мало изучена, несмотря на широкую известность имен обоих ученых. О лингвистической деятельности Н. Трубецкого написано много. Его историософские, евразийские труды до недавнего времени по различным причинам почти не были известны ни у нас, ни на Западе; но за последнее десятилетие они изданы и в России, и в переводах на английский и французский языки (французское издание [Troubetzkoy 1996] целиком подготовлено П. Серио) и вызывают, особенно у нас, все больший интерес. Однако две части наследия ученого очень редко связываются между собой. Вопрос о том, как евразийская концепция влияла на Н. Трубецкого-лингвиста, изучен недостаточно (впрочем, П. Серио указывает здесь в качестве своего предше-

ственника на Б. Гаспарова [Gasparov 1987]). Еще меньше обращается внимание на евразийские истоки идей Р. Якобсона, который не выступал как теоретик евразийства, но в чехословацкий период своей деятельности испытал влияние этого учения. Помимо этого П. Серио обращает особое внимание на также нашедшие отражение в лингвистике идеи Петра Савицкого, одного из двух, наряду с Н. Трубецким, главных теоретиков евразийства.

Книга "Структура и целостность" состоит из четырех частей. Изучены разные компоненты евразийской концепции, которые затем сопоставляются с лингвистическими идеями Н. Трубецкого и Р. Якобсона. Автор наряду с опубликованными трудами евразийцев использует известное издание переписки Н. Трубецкого с Р. Якобсоном. [Troubetzkoy 1975], а также воспоминания современников.

Один из важных вопросов, затрагиваемых в книге, – генезис идей евразийства. П. Серио вполне справедливо отмечает внешне парадоксальный факт: при антизападной направленности этой доктрины основные источники ее идей находились на Западе (с. 308). В целом евразийство больше было связано, однако, не с современными ему западными идейными течениями, а с философией и наукой первой трети XIX в. Безусловно важны идеи немецкой класси-